
«ГЛОБАЛЬНЫЙ МОДЕРН» И НОВОЕ ПОНИМАНИЕ СУБЪЕКТНОСТИ

Лешкевич Т. Г.*

Статья посвящена осмыслению основных тенденций глобализации в сопоставлении с понятием «глокализация». Выявляются специфика понимания новой субъектности и векторы ее трансформаций в эпоху глобализма. Обсуждается значение интеллектуального капитала. Анализируется кластер понятий: субъект, субъектность, субъективность, выявляются их отличительные характеристики. Автор касается проблемы отношений «Я и Другой», показывает значение сетевых практик как современных форм субъективации. В статье рассмотрены качественные характеристики глокализации, связанные с ценностями локальных культур.

Ключевые слова: глобализация, технологический поворот, интеллектуальный капитал, субъектность, субъективность, идентификация, глокализация.

The article is devoted to the comprehension of globalization trends in comparison with the notion of glocalization. The author reveals the specific points of a new understanding of subjectivity and its transformation vector in the era of globalism. The article discusses the value of intellectual capital and analyzes the cluster of the following concepts: subject, subjectness, and subjectivity, and their distinctive characteristics. The author deals with the issues of the relationship between “I” and “Other”, shows the importance of network practices as modern forms of subjectivation. The article considers the qualitative characteristics of glocalization, which are related to the values of local cultures.

Keywords: globalization, technological turn, intellectual capital, subjectivity, subjective identity, glocalisation.

Глобальные вызовы изменили облик мира, значительно ускорив ритмы жизнедеятельности и захватив повседневное бытие человека. С точки зрения социокультурных подвижек глобализация оценивается исключительно амбивалентно. Она увеличила степень взаимосвязанности игроков на карте мира, но одновременно навязала стереотипы унификации; показала весомую степень открытости социальных систем и явственно обозначила возросшую степень неопределенности грядущих изменений; наметила магистральный путь развития и релятивизировала до предела ценностную систему мировосприятия; внесла серьезные изменения в стратегии жизнеориентирования современников и обнажила экзистенциальные проблемы духовности. Уже стало прописной истиной утверждение о том, что в условиях глобализующегося мира формируется единое мировое пространство, в котором свободно перемещаются информация, товар и капитал, а мобиль-

* Лешкевич Татьяна Геннадьевна – д. ф. н., профессор Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону. E-mail: Leshkevicht@mail.ru.

ность выступает в ранге важнейшей глобализационной ценности. Глобализация наметила контуры формирования единого геоэкономического пространства, пронизанного многообразными видами взаимозависимости: экономической, информационной, социокультурной, коммуникационной, экологической и пр., в связи с чем правомерно говорить о своеобразном «эпогенезе» [Чумаков 2016: 3–15], указывающем на возникновение уникальной эпохи, по-своему детерминирующей жизнедеятельность современников. Сетеобразующие функции приобретают большие города, что свидетельствует о глобальной «подключенности» и степени связанности в мировом глобализационном пространстве [Махновский 2016: 57]. Векторы глобализации, безусловно, оказывают свое конституирующее влияние на современное бытие. Все чаще философы говорят о современном человеке (в жизнь которого вынужденно встраиваются стремительно развивающиеся технологии и ритмы неравновесного мира) как о новом антропологическом типе, все чаще обсуждают перспективы трансформации субъектности. Каков он, субъект третьего тысячелетия, когда сама эпоха охотно примеряет на себя маркер не только постсовременности и постиндустриальности, но и постчеловечности?

Самые веские изменения субъектности в контурах новой парадигмы связаны, во-первых, с технологическим вектором, во-вторых, с вектором, определяемым «сетевой логикой» взаимодействий, в-третьих, с вектором идентификационных изменений и, наконец, с вектором гендерной параметризации субъектности. Вектор технологических трансформаций показывает, что на фоне развивающихся «вслепую» технологий все яснее очерчивается гибридизация человеческого и постчеловеческого. Имеется в виду ситуация своеобразной «сращенности», симбиоза человеческого и артефактного, когда субъект в целях своей адаптации должен быть «встроен» в существующую техносферу. Технологические сдвиги столь существенны, что на место субъектности приходит новая гибридная форма – некое интеллектуально-функциональное образование, получившее терминологическое обозначение – актант. Ему делегирован ряд значимых технологических функций, и он оказывается «действующим лицом» в постсовременности.

Это с новой силой демонстрирует рост зависимости эры глобализации от технологического поворота. Действительно, технологическая интенсификация современного бытия очень ощутима. Если нынешнее состояние сопоставить с традиционным пониманием субъектности, связанным с деятельной энергией и личностным вкладом познающего, то мы вынуждены зафиксировать следующее. В качестве познающего выступает не просто одаренная личность, а некий интеллектуальный регистр эффективно применяемого совокупного потенциала знаний и технологий. Место новой субъектности занимает тот узел (или образование), те «действующие факторы», которые трансформируют имеющуюся задачу, сопрягая ее с совокупностью технологических приемов и навыков, помноженных на допуски институциональности и властного потенциала. «Свободное творческое начало», постоянно испытывая на себе структурное давление, растворяется в поле социальных и ситуативных запросов.

В рамках описанной ситуации с новой силой заявляет о себе такой вид капитала, как интеллектуальный. Данный вид капитала и его приращения также свидетельствуют о воспроизводстве новой субъектности как наиболее универсальной единицы глобального модерна. Интеллектуальный капитал эпохи глобализации требует в качестве своего носителя не просто личность креативную и интеллекту-

ально одаренную, но инженерно и технологически грамотную, способную эффективно функционировать в современном производственном и коммуникативном пространстве. С учетом сложившихся исследований отмечаются три направления влияния интеллектуального капитала: давосская культура, субъектами которой являются представители мировой элиты, культура яппи – молодых городских профессионалов – и клубная культура интеллектуалов, распространяемая фондами, академическими структурами, неправительственными организациями и пр. [Многоликая... 2004: 10–12]. Современные исследователи, в частности Э. Тоффлер, обращают внимание на возможность конвертации таких элементов, как власть, деньги и знания. «При определенных условиях каждый элемент может быть конвертирован в другой, – заключает он [Тоффлер 2003: 34]. Однако, по его мнению, именно «контроль над знаниями – вот суть будущей всемирной битвы за власть во всех институтах человечества» [Там же: 42]. Совершенно очевидно, что интеллектуальный капитал является существенной предпосылкой и основанием репутационного капитала, он играет существенную роль при взвешивании сценариев, альтернатив развития и последующего выбора траекторий взаимодействий.

Вместе с тем глобальный модерн привносит черты принципиальной индетерминированности в жизненные стратегии современников. В этой связи весьма примечателен вывод исследователей, указывающий, что «эволюция происходит на границе порядка и хаоса, преемственности и изменчивости, закономерности и случайности. Эволюционирующие сложные структуры балансируют на краю хаоса (at the edge of chaos)...» [Князева, Алюшин 2016: 22]. Нашему современнику совершенно непонятно, в какой сфере будет востребована его самореализация, удастся ли вообще проявить степень своих способностей и возможностей. Высшее образование в этой связи свидетельствует не столько о профессионализации и профессиональных компетенциях, сколько о принципиальной устремленности «быть принятым рынком» и готовности приобрести дополнительные профессиональные навыки.

Индетерминированность жизненных стратегий охватила весь жизненный мир, вплоть до «неписаной» нормы свободного сексуального поведения. Возраст сексуального дебюта катастрофически уменьшается, а сексуальные связи в поголовном большинстве случаев не заканчиваются браком. Согласно выводам экспертов, «только 25,7 % семей будут основывать официально зарегистрированный брак. Остальные 74,3 % семей будут составлять альтернативные формы брака; из них 31 % сожительство, 22 % – пробный брак, 17,3 % – “гостевой” (постоянно не проживающие друг с другом, приходящие супруги)» [Кузьменко 2008: 143]. Это свидетельствует об изменениях гендерного порядка, гендерных ролей и соотношений, превращается в систему прочно приобретенных предрасположенностей. Гендерная параметризация субъектности изобилует многообразием базовых различий. Как отмечают Н. М. Ершова и Л. А. Мясникова, способ жизнедеятельности современной женщины организован потребностями трех составляющих: «гендера, пола-функции и пола-сущности, удовлетворение которых индивидуально вариативно» [Ершова, Мясникова 2007: 162]. Действительно, как пол-сущность женщина должна реализовать себя в женственности: и эстетически, и духовно, и душевно. В качестве пол-функции на нее возлагается ответственность за продление человеческого рода. Как гендер она отвечает за те многочисленные социальные роли, которые взвалила на свои плечи. Поэтому к негативам глобали-

зационных трансформаций можно отнести выравнивание мужских и женских сценариев.

Философы справедливо протестуют против ментальности потребления и потребительской психологии, против того, что потребительские стандарты внедряются в жизненные проекты, во многом девальвируя духовные ценности. Вместе с тем именно потребление стало весомым маркером современности. От того, упала или возросла покупательная способность потребителя, зависит, как аналитики сделают свой прогноз относительно хода финансово-экономического кризиса. Человек глобального мира немислим вне комфортного и масштабного технико-технологического обеспечения своей жизнедеятельности.

«Переоткрытие» субъектности в эпоху глобализма не упраздняет потребности в осмыслении кластера взаимосвязанных понятий: «субъектность – субъективность – субъект», имеющих серьезную гуманитарную традицию своего истолкования. В рамках философского понимания субъектность оказывается чувствующей и сращенной со своей телесностью. В общетеоретическом плане субъектность, полагая четкие границы собственного самопроявления, выступает от имени Я-деятельного. Она в состоянии соотносить свои познавательные запросы с миром ценностно-целевых ориентаций, связана с «наличной социальностью», участвует в ее созидании и преобразовании. Более того, субъектность проявляет себя в «живом настоящем», а не в некоем потенцированном бытии.

Понятие «субъективность» обращает к внутреннему миру человека, в котором можно выделить целую палитру специфических проявлений: это и сфера глубинного нравственного и морального переживания, и область ценностных приоритетов и стратагем, и регистр духовных установок. С понятием «субъективность» интуитивно связывают сложные конфигурации духовно-психической жизни человека. Бытие на уровне грез и фантазий также представляет субъективную реальность как глубинную область надежд и стремлений.

Следует отметить, что такие психологи, как К. А. Альбуханова, А. В. Брушлинский, А. К. Осницкий, В. А. Петровский, В. И. Слободчиков и Г. А. Цукерман, В. А. Титаренко, А. У. Хараш, создали прецедент самостоятельного использования термина «субъектность», отличив его от понятия «субъективное» [Дерябо 2002: 261–265]. Именно субъектность в полной мере характеризует личность как актора истории, как целостного, наделенного волей, опытом, памятью и рефлексией действующего агента. Субъектность нацелена на реализацию конкретных целей и задач в контексте приоритетов эпохи и определенного социального ландшафта ценностных предпочтений.

Член кластера, отраженный концептом субъект, закрепляет за собой классическую картезианскую интерпретацию, указывающую на исток и начало мышления и активности. При этом следует обратить внимание, что в картезианской и позитивистской традициях субъект предстает по большей части как наблюдатель, отражающий и фиксирующий мир налично существующего, производящий «когнитивные акты наблюдения». В марксовой традиции субъект – это еще и предметно-действующий индивид, стремящийся к преобразованию мира. Л. А. Микешина предлагает взглянуть на категорию «субъект» как включающую в себя несколько уровней содержательной интерпретации. Во-первых, речь может идти об эмпирическом субъекте, то есть реально действующем в истории человеке, во-вторых, о коллективном субъекте, в качестве которого выступает то или иное

научное сообщество, в-третьих – о трансцендентальном субъекте, понимаемом как «сознание вообще», как сапиентность, то есть разумность всего человеческого рода [Микешина 2002]. В современных реалиях, в условиях инфомира, когда «совместная когнитивная деятельность становится основным доступным ресурсом, за счет которого будет происходить развитие человечества» [Меськов, Мамченко 2010: 58], в семантике субъекта можно усмотреть информационную составляющую, объединяющую контент и средовые факторы. Иначе говоря, системообразующие характеристики субъекта зависят от его информационной активности.

«Субъектность» в своем основном значении актора действия переносит акцент на целенаправленность, ответственность, своеобразную достигаемость в существующей сети социальных взаимодействий и коммуникаций. Если индивид выступает в модусе субъектности, то он ответственен за обустройство мира, к которому причастен. Заметим, что актер (от англ. *actor*) – индивид, выступающий как субъект действия. Воплощение и реализация собственной субъектности – важная творческая задача человека как активно действующего существа, как Я-деятельного. В отличие от этого коннотации понятия «субъективность» обращают к уникальным состояниям души, богатому внутреннему миру человека.

Продолжая сравнение концептов «субъектность» и «субъективность», отметим, что субъектность отвечает за востребованность личности в поле деятельностных проявлений и проявляется как некая самоактивность, обращенная к достижению результата сознательных усилий. Субъективность же отражает процесс глубинной идентификации, самоузнавания. В отличие от объективного субъективное допускает погрешности, искажения, так как опирается на образ мира, рожденный в горниле эмоций, чувств, переживаний, всего индивидуального опыта личности. Здесь субъективное указывает на меру адекватности или неадекватности в восприятии мира. Субъективное (оценка, мнение, решение, позиция и пр.) – это нечто зависимое исключительно от своего носителя, его личностной позиции и опыта. Не случайно словари сохранили эти два значения: субъективный определяется как свойственный только данному лицу, субъекту, во-первых; и как лишенный объективности, односторонний, пристрастный, предвзятый – во-вторых. Различия концептов «субъектность» и «субъективность» рельефны в ситуации, когда конкретный человек поглощен интенсивными субъективными переживаниями своего (видимо, не вполне реализованного) субъектного статуса.

Компаративный анализ данных концептов показывает, что субъектность может закрепить за собой некие доминирующие интенции, управленческие функции, факторы влияния и программирующего воздействия. Здесь важны обстоятельства, роли, условия и возможности. В отличие от этого фокус субъективного направлен на опредмечивание и распредемечивание внутреннего мира чувств, а не явно выраженную направленность на действие и реализацию деятельностного акта. По мнению А. С. Колесникова и С. Н. Ставцева, гуманистическая культура последовательно потерпела неудачу в попытках обоснования деятельной природы субъективности [Колесников, Ставцев 2000: 112]. Это подтверждает сделанный нами вывод в пользу того, что потенциал активности и деятельностной инициативы, степень самореализации закрепляет за собой именно концепт «субъектность», означающий сегмент энергийной реализации деятельностного Я со всем его потенциалом креативности. Можно предположить, что эпоха глобализации опро-

вергает бытие субъективности в мире грез и иллюзий, она требует действий, активности, достижений и конкурентоспособности.

К числу отличий может быть отнесено также нереплексивное, невербальное, фоновое бытие субъективности, никогда не покидающее человека и не претендующее на детальную артикуляцию. Субъектность же, напротив, связана с осознанным целеполаганием, четкой постановкой целей и задач. Для субъектности характерна саморепрезентация, но что показательнее, так это инспектация качеств другого. Причем последняя предполагает широкий набор требований (нотификаций), предъявляемых попавшему в фокус сознания этому Другому. Метафорически упрощая данное соотношение, можно сказать, что субъективность – это «фон», а субъектность – «фигура». Однако это всего лишь метафоры, не отменяющие реальной глубины и сложности проблемы.

Исследование Я в статусе «субъективное», то есть в связи с глубинным и интимным миром чувств и переживаний, влечет за собой остроактуальную проблему отношений «Я и Другой», выводящую на наличие весьма отличных и неизведанных чувств, переживаний и духовного опыта другого. Игнорировать «перспективу Другого» означало бы пользоваться сомнительными услугами изолирующей абстракции, которая как исследовательский методологический инструмент в данном случае вряд ли эффективна. Поэтому вопрос: «Как же все-таки Эго может пережить то, что переживает Другой? Ведь он в лучшем случае может пережить лишь то, что Другой *переживает*, но никак не то, *что* переживает Другой» [Антоновский 2011: 81] – нуждается в ответе. Реконструируя эту проблему, обратимся к фундаментальным выводам Э. Гуссерля, справедливо полагающего, что Другой не может быть объектом сущности Я, потому что Другой вне первопорядкового мира (primordial), к которому относится само Я в его психофизиологической природе. Другой как данность восприятия может быть некоей модификацией моего Я, прочитываться по аналогии со мной. Для схватывания Другого Э. Гуссерль предлагает аппрезентацию как вид опыта со своим собственным стилем подтверждения [Гуссерль 2010]. И. А. Мальковская, ссылаясь на работы современного бразильского психоаналитика Ж. Бирмана, отмечает, что поскольку современная психофармакология и наркотрафик открыли новые границы самосознания и мироощущения, Ж. Бирман полагает, что субъект начал «существовать» «вне-субъектности» (*fora-de-si*), а также «внутри-субъектности» (*dentro-de-si*) [Мальковская 2008: 17]. И если О. А. Зотов признает возможность полного отождествления всех участников обсуждаемого кластера, а именно – утверждает, что «в постнеклассическую эпоху понятия личности, индивида и субъекта проявляют тенденцию к сближению, нередко до полного отождествления» [Зотов 2011: 77], то вывод В. И. Аршинова иной. Он говорит о необходимости «формирования синергетической интересубъективности как системной целостности нередуцируемых друг к другу понятий “Я”, “Личность”, “Другой”, “self”» [Аршинов 2011: 72]. Таким образом, данные концепты сохраняют за собой собственную специфику и не подвержены редукции. Осмысляя эту проблему в контексте нового глобального мировидения, В. И. Аршинов отмечает, что «социосинергетический субъект второго этапа развития синергетики может быть реализован в совокупности рекурсивно оформленных “встреч-узнаваний” синергетики с иными концептуально оформленными практиками современных междисциплинарных взаимодействий». Путь, на котором «становится, (собирается) синергетический субъект, – это “сетевой” путь» [Аршинов 2011: 73].

Таким образом, возможен вывод, что новое единство человечества не постулируется как изначальное системное качество, а складывается «сетевым путем», показывающим, как индивиды распределяют свою активность, как проявляют чуткость к изменениям на глобальном рынке. Сетевые взаимодействия внушают и навязывают индивидам сложившиеся практики – формы субъективации, обнаруживая и демонстрируя новые приоритеты, к числу которых могут быть причислены лабильность, гибкость, мобильность, многообразие и многофункциональное поведение, разнообразие и доступность связей, инициирование проектов, напряженные режимы конкуренции. Требование расширения сетей за пределами региональных, национальных и страноведческих сегментов соответствует стратегиям эры глобализма. Действительно, современное бытие пронизано «сетью институций» и социальных связей, демонстрирующих свой принудительный, контролирующий и подчас репрессивный характер. Сетевая логика обязывает самого человека контролировать самое себя, чувствовать свою включенность в процесс сетевого охвата и продвижения, быть всецело ему подчиненным.

Таким образом, в поле глобализационных трансформаций остро встает вопрос: насколько субъектность, предстающая в статусе «агента социального действия», может быть нивелирована в контексте социальной детерминации под прессом существующих глобализационных практик и сетевой логики взаимодействия? Насколько правомерна радикальная позиция, указывающая на «смерть субъекта»? Есть ли перспективы у личности сохранить свою уникальность и индивидуальность в эпоху глобализма, либо унификация – это мегатенденция современных глобальных трансформаций?

Традиционно считается, что под влиянием глобализации происходит своеобразная плюрализация идентичности, человек оказывается в плоскости «размывания» культурных миров. «Взламывание» локальных культур порождает метаморфозы внутри существующего жизненного мира, вызывает своеобразный «дрейф» идентичности. Психологическим следствием этого «дрейфа» является постоянно проявляющееся переживание несамодостаточности, неполноценности, ибо удовлетворять нормам и требованиям дрейфующих, мозаично складывающихся социокодов вряд ли возможно. Человек оказывается в принудительных условиях готовности вписаться в любой контекст, вне всякой зависимости от приобретенного жизненного опыта, ценностей и системы предпочтений. Иными словами, он готов всякий раз отказаться от себестоимости во имя унифицированной нормы. Субъектность в этом случае приобретает ситуативную идентичность, динамично меняя способы самореализации в зависимости от сложившихся условий и конкретных обстоятельств.

Обсуждая идентификационный вектор глобальных трансформаций, можно говорить о трех тенденциях. Во-первых, это тенденция, указывающая на стремление к надэтнической идентификации с желанием заявить о себе как о «человеке мира». При этом формирование «наднациональной» или «транснациональной» идентичности оценивается как процесс болезненный и противоречивый [Феномен... 2010: 47]. Приобщенность человека к событиям «Большой истории», к миру скоростей, открытий и высоких технологий расценивается как преимущество, однако утрата себестоимости и разрыв с ценностями локальных культур приравнивается к потере иммунной системы. Во-вторых, следует говорить о тенденции, ведущей ко все расширяющейся сфере неопределенности как в социально-экономическом срезе, так и в отношении идентификационных процессов. Эта

тенденция обнаруживает своеобразный «дрейф» идентичности и тип «промежуточной личности». В ее ментальности образуется конфликт между предлагаемыми глобализацией ценностями, задающими унифицированные нормы, и ценностями локальных культур, обладающих достаточным консерватизмом. Последние закрепляют за собой характер регуляторов повседневной жизни и направлены на поддержание внутреннего идентификационного кода. Опираясь на метафору, можно сказать, что это основная часть айсберга, которая скрыта под водой. Поэтому мы солидаризируемся с пониманием культуры как наследуемой системы значений, передающих идентичность и жизненные установки [Пол 2014: 362]. И, наконец, в-третьих – это тенденция, ведущая к проектному обнаружению новой идентичности человека постсовременности, возникающей в условиях информационной интервенции, в состоянии «текучей» и взрывоопасной деформации локально-культурных образований.

Именно потому, что глобализация, сопровождаемая интернет-культурой, привнесла деструктивные изменения в духовную сферу, особенно в молодежной среде (повлекла ослабление системы паттернов социально значимого общественного поведения, передаваемого от предшествующего поколения), следует с особой тревогой говорить о незнакомом типе «постсовременной» субъектности. Современная глобальная среда характеризуется отсутствием «не только “стабильных пристанищ” в виде рангов и статусов», по достижении которых можно вздохнуть с облегчением и заняться «наведением порядка» в собственном жизненном мире. Средства для достижения поставленных целей также постоянно релятивизируются и нуждаются (как и сами цели) в постоянной реконструкции и переформулировке [Бауман 2008]. Менталитет современника формируется на фоне анонимных рыночных отношений и унификации. Как отмечает И. М. Борзенко, жизнеобеспечивающий слой отрывается от жизнеосмысляющего, начинает эволюционировать спонтанно [Борзенко 2003: 56]. В современных условиях дает о себе знать гибридное значение идентичности, которое онтологически задано процессом «глокализации»^{**} [Robertson 1995: 145], указывающим на реакцию разнообразных региональных сегментов и этнонациональных типов на мировые глобализационные процессы. Оно возникает в ответ на глобализационные вызовы, пытаясь конвергировать и соотнести глобальное и локальное.

Интересна оценка В. П. Бранского [2011: 26], согласно которой глобализация возможна как социально-ответственная глобализация, то есть «с человеческим лицом», и как социально-безответственная, так сказать, со «звериным оскалом». Первая тенденция получила освещение у американского политолога Ф. Фукуямы «Конец истории и последний человек» [Fukuyama 1992], вторая – в мировом бестселлере С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций» [Huntington 1996]. Вместе с тем в отношении глобализации, признанной ведущей тенденцией мирового развития, звучит меткая характеристика У. Бека: это «смесь несовместимых компонентов, заимствованных отовсюду и ниоткуда» [Бек 2001]. Первая часть данной характеристики указывает на эклектичность, а вторая – на беспочвенность. И эклектичность, и беспочвенность выступают как своеобразные глобализационные

^{**} Термин «глокализация» связывают с работами английского социолога Р. Робертсона, который ввел его в научный оборот, посчитав, что современный мир нельзя понять без проникновения в смысл событий, которые указывают на культурный капитал, культурные различия, этническую, расовую, половую принадлежность.

вызовы укорененным традициям и сложившимся локальным порядкам и вряд ли могут быть отнесены к прогрессивным сдвигам глобализации.

Глобализация предстает как программно вненациональная, она опирается на глобальную массовую культуру, но может привлекать этнические элементы, включая их в глобалистский контекст как некое украшательство. С. В. Кортунув указывает на тревожную ситуацию нашего времени, когда массовая культура глобализации оказывается сильнее культурных ядер национальной идентичности. Последние в условиях глобализации сохраняются в значительной степени лишь как культуры фольклорные: испанская коррида, турецкий ислам, мексиканская кухня, аргентинское танго [Кортунув 2009: 20]. В этом присутствует вызов этнонациональным культурным конфигурациям, сужающий поле этнокультурного разнообразия. Поэтому вывод о том, что «глобализация означает гомогенизацию жизни», правомерен [Глобалистика... 2006: 163].

Утверждение, что глобализация однозначно ведет к унификации, хорошо иллюстрируется единообразным ландшафтом больших супермаркетов и сервисных услуг. Где бы ни находился наш современник, привычный интерьер супермаркетов помещает его в обжитое пространство, преодолевая тем самым опасности культурного шока. Современное проживание характеризуется как проживание в глобальных потоках, которые обрастают собственной символикой. Однако если глобализация характеризуется размыванием личностных приоритетов, а глокализация оценивается как иммунная система национальных культур, то можно ли вести речь о сосуществовании глобального и локального, когда ощутима доминирующая поступь глобализации с ее информационной интервенцией, потоками капитала, туристов и товаров, трансфера, интенсификацией коммуникативных связей? [Лешкевич 2011: 5–13].

В поисках ответа заметим, что данная совокупность факторов вызвала к жизни новый тип субъектности – так называемых настороженных наблюдателей. Для них характерны неявно выраженная антиглобалистская позиция, с одной стороны, и ожидания от глобальной интеграции и модернизации улучшения своего положения, сопровождаемые опасениями потери своей этнокультурной идентичности, – с другой. Интерес представляет и практика «глокализации», учитывающая поселенческие факторы и направленная на сужение универсального размаха модернизационных преобразований рамками, спецификой и предпочтениями региона. Она также может быть интерпретирована как своеобразный ответ на глобализационные вызовы. Глокализация указывает на «индивидуальные точки выделенности», устанавливающие *межи* и границы пространственно-временной развертки модернизационных изменений. Региональное противостояние проявляется в протесте против навязываемых единообразных шаблонов и образцов, всеобщей унификации, в неприятии темпов, задаваемых глобализацией. Однако и в самой ценностной системе также происходят трансформации, новыми, но уже получившими распространение ценностями, становятся формы культурных заимствований. Это высвечивает еще одну характеристику современного понимания субъектности, указывающую на некую симбиотичность ментальности современника: не желая на словах отказаться от собственной самобытности, он на деле перенимает все западные образцы поведения. И поскольку глокализация сориентирована на социальную значимость местных, локальных проблем и забот, она вызывает формирование особого типа консенсусного самосознания, что также является новой гранью в понимании субъектности.

Интеллектуальная элита задумывается над вопросом: является ли глобализационный сценарий единственно возможным? При этом в оценках глобализации реестр мнений распространяется от традиционного представления, что глобализационные проекты обусловлены общей интернационализацией жизни на планете, до категорического утверждения, что глобализация – это навязывание всем странам западного экономического, политического, культурного и информационного кода [Материалы... 2009: 20]. Говорится о глобализации снизу, то есть как об объективном процессе, и о глобализации сверху как управляемой, искусственной глобализации посредством целенаправленной деятельности. Вместе с тем реалии таковы, что современный глобальный рынок характеризуется как грандиозный технологический трансфер. Он обеспечивает «конкурентно прибыльное производство гражданского сектора экономики, за счет которого существуют хотя и критически необходимые, но затратные и неприбыльные сектора экономики, в том числе вооруженные силы, военно-промышленный комплекс (ВПК), фундаментальные научные исследования, здравоохранение, образование, социальное обеспечение» [Глобальный... 2010: 50]. Это масштабный вызов глобализации жизненно важным сферам жизнедеятельности и областям гражданской экономики и народного хозяйства. Данный вызов предполагает формирование отряда специалистов, владеющих навыками стратегического планирования технологического трансфера, так называемыми форсайт-технологиями. Следовательно, речь идет о высокой планке интеллектуального развития исследовательского потенциала лиц, возглавляющих данные технологические цепочки и сопровождающих все стадии полного цикла трансфера. Поскольку глобализация питается «пакетами» новых конкурирующих технологий, фигура ученого-интеллектуала и новатора в контексте обозначенной «экономики знаний» становится ведущей. В этом отношении к требованиям, обращенным к субъекту научного творчества, присоединяется императив, указывающий на важность и значение исходящей от него интеллектуальной инициативы. Это, в свою очередь, предполагает определенную степень самоорганизации заинтересованных в интеллектуальном или технологическом открытии групп и сопровождается вошедшим в научный оборот термином «knowledge-worker» – работник интеллектуального труда, создающий прибавочную стоимость. Следовательно, к выявленным вызовам глобализации, трансформирующим современное понимание субъектности, относятся привносимая глобализацией необходимость интеллектуальной инициативы и связанная с ней логика самоорганизации авторских коллективов. Вместе с тем в российских условиях интеллектуальная элита – основной субъект и поставщик инноваций – попала под прямой удар экономической необеспеченности. Гуманитарные приоритеты, связанные с доверием, честностью, порядочностью, человеколюбием, на фоне рыночных отношений и масштабной дегуманизации общества обернулись утопией. Бюрократия присоединила к законам бюрократической волокиты еще и индивидуальный произвол чиновника, административные барьеры, коррумпированность, «взяткоемкость» и пышный цвет теневых отношений. Как отмечают исследователи, «практика последних десятилетий показывает, что вероятность коммерциализации научного открытия, технологии или изобретения собственно авторским коллективом или автором без профессиональной экспертной, а в ряде случаев государственной, поддержки на “внешнем” рынке, независимо от ценности или экономической значимости, минимальна» [Там же: 62]. Нет эффективных между-

народных организаций, которые являлись бы гарантией обеспечения общественно значимых ценностей, общих интересов и гражданского контроля.

Глобальный модерн жестко обозначает приоритеты экономоцентричности современной эпохи, безжалостно наказывает неэффективность и поощряет «международных чемпионов» эффективности. Исследователями отмечается опасность глобализации, связанная с тенденциями нравственного вырождения, которое проявляется не только в катастрофическом ухудшении моральной статистики, касающейся массового поведения, но и в существенном ухудшении принимаемых современными элитами решений [Панарин 2003]. Разрыв со стереотипами, сопровождаемый постоянным поиском самоопределения, очевиден во всех сферах. Так, применительно к фемининной субъектности чрезвычайно значимой оказывается не проблема домашнего очага, а «проблема трех “с”»: самоутверждение, самореализация и самоидентификация. Гендерная параметризация субъектности повсеместно демонстрирует «испорченную идентичность». Таким образом, вызовы глобализации обуславливают степень трансформации субъектности в многообразных контекстуальных полях. Осмысляя бытие и ценностные приоритеты человека эпохи «пост-», следует иметь в виду не только изменение субъектности под гнетом пресса современной эпохи. Важно осознать проявляющиеся в каждодневном бытии нашего современника и задающие новые социокультурные конфигурации: технологический вектор, вектор сетевых взаимодействий, а также идентификационный вектор трансформации субъектности, которые намечают новые параметры порядка.

Литература

Антоновский А. Ю. От Эго и Альтера к сообщению информации // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. XXVII. № 1. М. : Альфа-М.

Аршинов В. И. Становление интерсубъективности в контексте социальной синергетики // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. XXVII. № 1. М. : Альфа-М. С. 71–74.

Бауман З. Текучая современность. СПб. : Питер, 2008.

Бек У. Что такое глобализация? М. : Прогресс-Традиция, 2001.

Борзенко И. М. О двух аспектах глобализации: об условиях и смысле человеческого существования // Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба ученых «Глобальный мир». Вып. 3. М. : Новый век, 2003.

Бранский В. П. Глобализация и синергетическая философия истории. Глобалистика-2011. Т. 1. М. : МГУ, 2011.

Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М.; СПб.; Н.-Й. : ИЦ «Елима», ИД «Питер», 2006.

Глобальный технологический трансфер // Инновационные направления современных международных отношений / под ред. А. В. Крутских, А. В. Бирюкова. М. : Аспект Пресс, 2010.

Гуссерль Э. Картезианские медитации. М. : Академический проект, 2010.

Дерябо С. Личность: от субъективности к субъектности // Развитие личности. 2002. № 3. С. 261–265.

- Ершова Н. М., Мясникова Л. А. Путь к себе: женщина между полом и гендером. М. : Изд-во Гуманитарного ун-та, 2007.
- Зотов О. А. Философские трансформации субъекта как проблема социальной эпистемологии // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. XXVII. № 1. М. : Альфа-М. С. 75–78.
- Князева Е. Н., Алюшин А. Л. Big History: Эволюционное мышление в глобальной перспективе // Век глобализации. 2016. № 3. С. 16–31.
- Колесников А. С., Ставцев С. Н. Формы субъективности в философской культуре XX века. СПб. : Санкт-Петербург. филос. об-во, 2000.
- Кортунов С. В. Становление национальной идентичности. Какая Россия нужна миру. М. : Аспект Пресс, 2009.
- Кузьменко Т. В. Прогноз семейно-демографической ситуации в России // Вестник Моск. ун-та. Серия 18. 2008. № 2. С. 143.
- Лешкевич Т. Г. Глобализация и глокализация: pro и contra // Научная мысль Кавказа. 2011. № 3. С. 5–14.
- Мальковская И. А. Метаморфозы субъектности в современном мире // Социологические исследования. 2008. № 5. С. 16–25.
- Материалы Международного научного конгресса «Глобалистика-2009»: Пути выхода из глобального кризиса и модели нового мироустройства: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. И. И. Абылгазиева, И. В. Ильина. М. : МГУ, 2009.
- Махновский Д. М. Глобализация и развитие сети мировых городов // Век глобализации. 2016. № 3. С. 57–70.
- Меськов В. С., Мамченко А. А. Мир информации как тринитарная модель Универсума. Постнеклассическая методология когнитивной деятельности // Вопросы философии. 2010. № 5. С. 57–68.
- Микешина Л. А. Философия познания. Полемиические главы. М. : Прогресс-Традиция, 2002.
- Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. М. : Аспект Пресс, 2004.
- Панарин А. С. Искушение глобализмом. М. : Эксмо, 2003.
- Пол К.-Х. Китайские и западные ценности: размышления о методологии межкультурного диалога // Куда движется век глобализации? / под ред. А. Н. Чумакова, Л. Е. Гринина. Волгоград : Учитель, 2014. С. 362–370.
- Тоффлер Э. Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века. М. : АСТ, 2003.
- Феномен глобализации в контексте диалога культур / отв. ред. И. К. Лисеев, Р. С. Сейфулаев, А. А. Гизалов. М. : Канон +, 2010.
- Чумаков А. Н. Триосфера, эпометаморфоз и новые задачи глобалистики // Век глобализации. 2016. № 3. С. 3–15.
- Fukuyama F. The End of History and the Last Man. New York : Macmillan, Inc., 1992.
- Huntington S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order? New York, NY : Simon and Schuster, 1996.
- Robertson R. Glocalization: Time-pace and Homogeneity-Heterogeneity // Global Modernities / Ed. by M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. London, 1995. Pp. 25–44.